

Народная артистка СССР А. Прокошина рассказывает о сельских любителях народной песни

«Русской песни одухотворительница» — именно так обратился в поздравительной открытке к Александру Васильеву Прокошиной, в прошлом знаменитой солистке хора имени Пятницкого, а ныне руководителю широко известного ансамбля песни и пляски «Искорка» колхоза «Искра» Котельничского района Кировской области, один из почитателей ее таланта. Встреча с этим коллективом на ВДНХ шесть лет назад, где ансамбль представлял свою область в финале одного из Всесоюзных смотров художественной самодеятельности, а Прокошина председательствовала в комиссии, воистину обернулась «любовью с первого взгляда».

Живой родник

— Скажите, Александра Васильевна, сколь заметные изменения произошли в жизни ваших воспитанников за эти пять лет?

— Должна сказать, что просто не узнаю их, шире стал кругозор, иной культура общения, иные взаимоотношения, внешний облик. Совсем по-другому относятся теперь к тому, что происходит на репетиции. Бывало, начинаю говорить об образе, о том, что виделось авторам, и сталкиваюсь с непониманием.

Вот разучиваем лирическую песню «Вятка-река». Говорю, ну, представьте природу, заливные луга, лес. Вы приходите в выходной день к реке с близкими, дорогими людьми... Но картины не возникало, и песня звучала по-прежнему холодно, скрытно, сдержанно. Растеплить, размягчить, раскрепостить их душевный мир и было моей задачей. А сразу как-то не получалось. Помню, приехали в Италию. Девочки, говорю, ну, мягче, ну, ласковей, вспомните Вятку, бурную, красивую! И, знаете, слезы вдруг, заволакивались...

За пять лет много мы повидали. Обсуждали каждое событие. С радостью видела, что книжка о Ватиканском музее или Венеции дороже им иных сувениров. Однажды после концерта в Японии прямо на сцене журналисты вопросами перекрестный обстрел устроили. Интересовались самым неожиданным. Им и в голову не приходило, что перед ними ансамбль непрофессионалов. И когда на вопрос, что они по профессии, наш участник с самым могучим телосложением ответил густым басом: «А я — тракторист!», в зале оживились.

А самое главное — людей в коллективе воспитывает совместная работа, постоянное общение. И рождается теплота, любовь к родному краю, поселку, людям. Западает в душу, в сердце, и когда выходят на сцену, не нужно уже говорить, — «в этом месте улыбнитесь», — улыбка органична, осмысленна. Они поют, получая удовольствие. На кого ни посмотрю, все живые, трепетные... Это пришлось через очень большой труд. Необходимо, чтоб они уносили с собой с репетиций все переживания. Чтоб было так, как рассказала мне однажды одна участница: «Всю ночь не могла заснуть, раздумалась что-то, про маму вспомнила, про то, как тяжело она когда-то жила...».

— Все же чем вас заинтересо-

вал этот коллектив тогда в Москве?

— Мне сразу показалось, что у него есть большие неиспользованные творческие возможности. Конечно, сразу же отметила, что репертуар неважно подобран, звук нечист, и интонационно пели они неверно. Но увидела, что костюмы — шерстяные, вышитые — сделаны со вкусом, значит, кто-то думал, как коллектив одеть. А люди-то хорошие, думала я, тянутся к красоте. Пять лет я была председателем жюри на всесоюзных смотрах и уж знала, как относятся к подобным коллективам. Они, как правило, по уровню ниже городских и профсоюзных, и при подведении итогов начиналось: «Давайте отметим, это же колхоз!» Меня задевало всегда. И когда об этих так же сказали, я взвесьлась — приехали труженики, более двадцати профессий представляют, костюмы какие, почему вдруг?! А они — у нас председатель такой! Вот и собрал я руководителей у себя в студии при хоре Пятницкого, долго говорили, пообещала «с любым вопросом — ко мне», и нотами, и партитуркой — помогу. А слово не воробей, вылетит — не поймашь. Уехала, снова приехали. А потом письмом — обращение к мастерам искусств в «Советской культуре», помните? Среди прочих и я его подписала. Ронжин Андрей Миронович, председатель, газету увидел — разыскать, попросить, атаковать! Так я и уехала.

А с января с танцевальной группой ансамбля и со школьниками занимается теперь балетмейстер Владимир Михайлович Захаров, тоже живет сейчас в «Искре». С азов начинается с подражания, ручку, ножку ставит, так малышки, как вкопанные, во все глаза на него, — мастер! — и о хохке забыли...

— Нравится ли «Искорка» молодым зрителям?

— Молодежь, если видит на концерте настоящее народное искусство, а не раженок под него, не грубое подражание диалектам, слушает заворуженно. А диалекты — дело тонкое, вот попробуй-ка по-калужски скажи: «Да, дочу, да что ж ты, родненька, да как же!» (Она виртуозно произносит свою фразу на диалекте родных мест). Вот ведь я не берусь учить по-вятски. Бесконечно разнообразно русское народное искусство, особенно в пении и танце, бывает, две деревни рядом стоят, по одной улице жи-

тели ходят, а поют по-разному. «Южный русский пляшет не так, как северный». Мы стремимся, конечно, чтобы наши программы были интересны, я ведь с малых лет к хорошей песне приучена.

Народный хор современен во все времена, ибо всегда откликается на события в жизни человека, Родины. Издавна, помните, родился человек — родильная, женился — венчальная и так далее. А частушки как создавались? Сегодня Петя Машу проводил, а завтра об этом уже распевают на деревенской улице. Также героика дня всегда отражена в народном хоре. Ведь хор Пятницкого в десятом году возник как абсолютно фольклорный, а в двадцатых годах перед Лениным уже исполнялась современная народная песня «Мать Россия»; в тридцатых — «Загудели, заиграли провода» — об электрификации; в сороковых — «Туманы мои, растаманы», «Как с войны пришли ребята»; в период «холодной войны» — «Наша сила в деле правом», о мирном строительстве — «Русская красавица»; потом — полет Гагарина, строительство БАМа... Не может народный хор превращаться в музей, в фольклорный кабинет, как не может не откликаться на события современности. Народное творчество — это живой родник, который питал и великих русских композиторов, и советских, в нем всегда черпали вдохновение поэты и художники. Так что современные ли, старинные, частушки или танцы, — важно определить мудрую пропорцию в подборе репертуара.

— Какую из проблем художественной самодеятельности вы считаете наиболее важной?

— Конечно, это проблема выхода на зрителя. Огромную энергию затрачиваем на подготовку программ, большие средства — на костюмы, сколько трудностей преодолевают участники, чтобы не пропускать репетиций, не всегда понимая их дома, порой не очень поощряют на работе, а потом два-три раза у себя в области выступили да выехали куда-нибудь — и все?! Готовь новое?! А ведь это не профессиональный коллектив, одна психологическая перестройка людей чего стоит! Ведь чтобы подготовить три-четыре танца, сколько нужно потрудиться. А зритель: «У-у, опять то же показываете!» Так и рождается соблазн работать кое-как... Где тут выход?! Самодеятельных коллективов тысячи, среди них сильных — не так уж много. Всю самодеятельность не нацелить на поездки. Только лучшим из лучших должно присваиваться звание народных.

— А чем вам дорога «Искорка», Александра Васильевна?

— Открытием, и порой очень неспешным, человеческой души. А то, что трудно достается, дорогим сердцу становится и незымимого человека переплавляет, делает тоньше, добрее, мягче, умнее сердцем, что ли. Разве забыть мне уроки, которые пятнадцатилетней девочкой получила в семье Казымина, на занятиях в хоре имени Пятницкого?! Родившееся тогда и сегодня живет в моей душе...

Беседу вела Н. КАТАЕВА.